

ДРЕВНОСТЬ

УДК 902+903+908+947+7.03(470.6)

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. В. (Х). Т. Чшиев

В статье рассматриваются кинжальные клинки из погребений IX – начала VII вв. до н.э. Эльхотовского могильника кобанской культуры.

Ключевые слова: клинковое оружие, кобанская культура Кавказа, древняя история Северного Кавказа.

Эльхотовский могильник кобанской культуры расположен в предгорьях Республики Северная Осетия – Алания, на правом возвышенном берегу р. Терек. Раскопки на памятнике производились с 1996 по 2005 г. (Чшиев, 2001, 2004, 2007). Несмотря на относительно небольшое количество мужских, воинских погребений Эльхотовского могильника – 15, от общего числа в 59 захоронений, тем не менее, материалы памятника представлены достаточно большим количеством предметов вооружения, свидетельствующих о высокой степени военизированности населения, оставившего некрополь. В частности, в каждом из точно установленных мужских погребений (часть захоронений разрушена и ограблена) находились те или иные предметы вооружения (копья, кинжалы, топоры, стрелы). Из 15 мужских захоронений могильника в 5-ти находились клинки кинжалов, по одному в каждом из этих погребений. Это бронзовый цельнолитой кинжал из погребения № 41, бронзовые клинки из погребений 73, 45 и 91, и, железный клинок из погребения 52.

Клинок кинжала из погребения 41 – обоюдоострый, вытянуто-подтреугольной формы, срединное ребро треугольной формы, в сечении клинок кинжала представляет собой вытянутый ромб (Рис. 1, 1). Рукоять отлита вместе с клинком. В плане представляет собой пластину с плавным сужением в центре. В сечении – вытянутый прямоугольник. Нижняя часть рукояти (в месте перехода ее в клинок) – прямая, широкое перекрестье, с небольшими плечиками, выступающими за режущую кромку клинка, плавно сужаясь, переходит в ручку и, далее расширяясь, обра-

зует навершие. Прямая верхняя часть последнего имеет небольшой выступ в центре, прямоугольной формы. В месте перехода навершия в ручку имеется и отверстие диаметром 4 мм. Режущая часть лезвие клинка кинжала тонко откована и заточена.

Аналогии данному кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известны. На наш взгляд, по внешним очертаниям эльхотовский цельнолитой кинжал напоминает кинжалы так называемого «переднеазиатского» типа с составной рукоятью и заполнением или накладками и вставками из дерева, известные на западе РСО – Алания – Дигории, Южной Осетии – в Тлийском и Стырфазском могильниках и в Закавказье – сел. Кедабек и т.д. Также, в Закавказье, цельнолитой кинжал с рукоятью близких очертаний, но с закраинами для накладок известен из сел. Гари (в Раче) (Техов, 1977. С. 106. Рис. 89, 13–14; 2006. С. 275. Рис. 26, 1; Куфтин, 1949. Табл. XXIX, 7; Крупнов, 1951. С. 67. Рис. 25, 3, 6). Как отмечалось, прямые аналогии кинжалу в материалах кобанской культуры нам не известны, однако по некоторым характерным деталям можно проследить его прототипы и близкие ему параллели. Такими важными деталями являются форма перекрестья, плавно «охватывающего» клинок с небольшим выступом и переходящего в ручку, где последняя постепенно расширяясь, переходит в навершие с прямой верхней частью, снабженной небольшим выступом по центру (вероятно – литник). Кинжалы, имеющие в плане подобную форму рукояти (с сужением в середине, сочетающиеся с клинком вытянуто-подтреугольного типа), известны в материалах Верхнекобанского и Тлийского могильников

(Уварова, 1900. Табл. IX, 2; Техов, 1977. С. 106. Рис. 89, 12). Так, в погребении № 176 Тлийского могильника был найден бронзовый кинжал с рукоятью снабженной костяными накладками. Форма рукояти этого кинжала в плане аналогична форме эльхотовского. Клинок кинжала из погребения № 41 имеет слабовыраженное подтреугольное сечение, и по этому признаку также находит аналогии в относительно ранних материалах Тлийского могильника (тип 3 по классификации Б.В. Техова) (Техов, 1977. С. 90, 96. Рис. 83, 19–21). На наш взгляд, форма рукояти кинжала из погребения 41 также весьма близка очертаниям рукоятей некоторых кинжалов так называемого «переднеазиатского типа». Эта близость обусловлена также тем, что как у «переднеазиатских», так и у эльхотовских кинжалов предполагается наличие накладок на уплощенную бронзовую рукоять. Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кумбулта, по мнению Т.Н. Нераденко, сделан на Кавказе под влиянием переднеазиатских или закавказских прототипов, и вследствие этого, отличается от последних рядом признаков (Нераденко, 1986. С. 59–61. Табл. 1, 4). Этот кинжал по форме (в плане) весьма близок нашему из погребения 41. Также связывает их и наличие отверстий на рукояти – семь на кумбултинском и одно на эльхотовском экземпляре. Возможно, кинжал из Эльхотово представляет собой синкретичную форму, соединяющую в себе производную от кинжалов «переднеазиатского типа» (к примеру, кинжалы из Фаскау и Кумбулта), и перекрестие, типичное для кобанских клинков (Уварова, 1900. Табл. ХСVII, 4). Представляется, что здесь прослеживается определенный канон, заключающийся в разнообразных сочетаниях рукояти переднеазиатского типа и перекрестья кобанских форм. Синкретизм форм, восходящих, вероятно, к каким-то более ранним прототипам, проявляется как в материалах северного склона Главного Кавказского хребта, так и южного, с преобладанием пока что южных закавказских находок (Куфтин, 1949. С. 44. Табл. IX–XXIX). В вопросе о поиске исходной формы для этой синкретической категории предметов, вероятно, близким к истине является мнение С.Л. Дударева, полагающего, что прототипами северокавказских кинжалов с однокольчатым орнаментом на рукояти следует считать переднеазиатские образцы (Дударев, 1999. С. 105). В таком случае кинжал из погребения № 41 может быть одной из линий развития той типологии кинжалов, более ранними звеньями которой являются кинжалы из Кумбулта и Гари (Куфтин, 1949. Табл. XXIX, 7). Во

всяком случае, по сравнению с другими материалами Эльхотовских комплексов, данный кинжал относится к ранней категории и, может быть датирован временем середины – конца IX в. до н.э.

Из погребения 73 происходит бронзовый клинок кинжала вытянуто-треугольной формы, с резко выделенным подпрямоугольным в сечении срединным ребром (Рис. 1, 2). В области перекрестья имеется прямоугольный заостренный выступ для насаживания на рукоять. В верхней части клинка пробито два отверстия для шпеньков, посредством которых, вероятно, к клинку прикреплялась деревянная несохранившаяся рукоять.

Прямой аналогии нашему кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известно, однако, в материалах Тлийского могильника есть экземпляры, сходные с ним. Это некоторые варианты бронзовых кинжалов, отнесенных Б.В. Теховым к третьему типу тлийских кинжалов (Техов, 1977. С. 90, 96. Рис. 83, 21). Необходимо отметить, однако, что срединное ребро тлийских кинжалов третьего типа – треугольное, а нашего – прямоугольное.

В погребении № 45 находился клинок кинжала с сужением в средней части, насадом подтреугольной формы и двумя отверстиями в последнем (Рис. 1, 3). В отверстиях сохранились бронзовые, круглые в сечении, шпеньки для закрепления несохранившейся, вероятно деревянной, рукояти. Срединное ребро на клинке слабовыраженное, по форме – полуовал. Кинжал имеет следы выраженной амортизации, неоднократно проковывался и подтачивался. Возможно, форма ребра на эльхотовском кинжале изначально была сделана в классической для кобанских клинков этого типа подпрямоугольной форме, однако, в результате применения и дополнительных проковок оказалась «смазанной». Кинжал близок морфологически клинкам второго варианта первого типа по классификации В.И. Козенковой. В частности, это клинок из погребения в каменном ящике 1 Инжиччукунского могильника, датируемый рубежом 2–1 тыс. до н.э. Подобные клинки характерны для кобанской культуры с раннего периода и «доживают» до 8 в. до н.э. (Козенкова, 1995. С. 50. Табл. VIII, 4).

Кинжалы с сужением в средней части широко представлены также в Тлийском и Стырфазском могильниках, где они датируются временем от рубежа II–I тыс. до н.э. – до начала I тыс. до н.э. (Техов, 1977. С. 98. Рис.

84; 2006. С. 263. Рис. 12). В целом, данный кинжал является одним из наиболее ранних артефактов в материалах Эльхотовского могильника и может быть датирован в рамках начала – середины 9 в. до н.э.

В погребении 91 находился бронзовый клинок вытянуто-треугольной формы и насадом подтреугольных очертаний (Рис. 1, 4). В насаде клинка (перекрестье) сохранился бронзовый шпенец для закрепления рукояти. Судя по слабо заметному отличию цвета окислов на насаде клинка, деревянное перекрестье охватывало края насада в виде дуги. Срединное ребро клинка кинжала треугольной формы. Клинок прокован и остро заточен. Клинок относится к первому варианту первого типа по классификации В.И. Козенковой. В памятниках восточного варианта на эфесе кинжалов данного типа присутствуют от пяти до двух отверстий для скрепления с рукоятью. При этом, как отмечает В.И. Козенкова, «Типологически наиболее поздними ... были клинки с двумя отверстиями» (Козенкова, 2002. С. 62, 85. Рис. 8, 4). Ближе всего к нашему – некоторые кинжалы из Верхнекобанского могильника, и кинжалы из Пседаха (раскопки В.И. Козенковой 1986 г.). Датированы кинжалы этого типа (первый вариант первого типа) В.И. Козенковой в рамках X-VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 19, 155. Табл. XIV, 3).

Единственный найденный в Эльхотовском могильнике железный клинок кинжала находился в погребении 52 (Рис. 1, 5). Клинок вытянуто-подтреугольной формы, перекрестье/насад заovalенное, сечения клинка – вытянуто – линзовидное. В месте насада имеются четыре отверстия, в которых сохранились бронзовые, подпрямоугольной формы в сечении, шпеньки для закрепления рукояти. Погребение № 52, где был найден клинок, потревожено и ограблено в древности, вследствие этого кончик клинка утрачен. Но не вызывает сомнений, что он был треугольной формы. Железо, из которого сделан клинок, достаточно высокого качества. Полная аналогия нашему клинку в материалах кобанской культуры нам не известна. В то же время, по форме клинка, его сечению и способу крепления рукояти эльхотовский экземпляр обнаруживает близость с железными кинжалами из могильника «Лермоновская скала (у реки)» – погребение № 2 1989 года и поселения Клинь – Яр (Сборник., 2011. С. 236, 243. Рис. 9, 4; С. 266, 268. Рис. 2, 1). В последнем случае на кинжале из поселения Клинь-яр совпадает с эльхотовским и количество отверстий и

шпеньков для насада – 4. Железные кинжалы разных форм, снабженные отверстиями в насаде и бронзовыми шпеньками, известны в материалах скифского времени Тлийского могильника, однако они резко отличаются от нашего по форме, в первую очередь, насада/перекрестья. (Техов, 2002. С. 334. Табл. 53, 5; С. 344. Табл. 63, 3; С. 364. Табл. 82, 2).

На наш взгляд, кобанские мастера, изготовившие эльхотовский кинжальный клинок, ориентировались на классические бронзовые кинжалы с треугольным клинком и подтреугольным или овальным насадом. То есть, морфологически кинжал подражает еще бронзовым кобанским экземплярам. Об этом свидетельствует форма насада/перекрестья и традиционные бронзовые шпеньки для насада деревянной рукояти. Позднее, как известно, северокавказские кинжалы из железа отковывались целиком.

В целом, по материалам комплекса, где был найден данный кинжал, он датируется второй половиной VIII, возможно, самым началом VII вв. до н.э.

Учитывая количество непо потревоженных мужских погребений могильника (всего – 7, т. е. почти половина всех мужских захоронений памятника), можно предполагать, что данный вид оружия был весьма типичен для эльхотовских «кобанцев».

Интересен в группе кинжальных клинков Эльхотовского могильника железный экземпляр из погребения № 52, близкий по форме насада бронзовым, но снабженный отверстиями в нем и шпеньками – гвоздиками для закрепления деревянной рукояти. На его примере можно наблюдать, как новый эффективный металл входил в обиход эльхотовских «кобанцев» VIII – начала VII веков. Здесь видно, что приемы работы с ним и формы оружия пока соблюдают многовековую традицию. Мастер пробил в железе отверстия для бронзовых шпеньков крепления, а не отковал рукоять вместе с клинком, как это стало практиковаться позднее, в VII–VI вв. до н.э.

Заслуживает внимания и то, что все рассмотренные клинки, несмотря на то, что происходят из одного памятника, относятся к разным типам. И если отличие железного клинка из погребения 52 можно связать с его относительной поздней датой, то отличия остальных экземпляров, видимо, свидетельствуют о хождении в кобанской военной среде, оставившей могильник, одновременно весьма разнообразных типов данного вида вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: РИЦ АГПИ, 1999. 401 с.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант /САИ. Вып. В 2-5. М.: Наука, 1982.175 с.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Систематизация и хронология. Западный вариант / САИ Вып. В 2-5. М.: ИА РАН, 1995.166 с.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

Крупнов Е.И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. №1. М. – Л., 1958.С. 72 – 82.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Груз.ССР, 1949.230 с.

Нераденко Т.Н. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 57–63.

Сборник научных трудов Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: «Илекса», 2011. 558 с.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 238 с.

Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900.420 с.

Чшиев В.[Х.]Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // МИА России. Вып.3 / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. С. 45–51.

Чшиев В.[Х.]Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // МИА Северного Кавказа. Вып.4. Армавир: РИЦ АГПУ, 2004.С. 273–286.

Чшиев В.[Х.]Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Т.1. / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. С. 178–293.

Информация об авторе:

Чшиев Валерий (Хасан) Таймуразович, старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания; hacht@mail.ru

BLADED WEAPONS FROM ELHOTOVO BURIAL GROUND OF THE KOBAN CULTURE

V. (H). T. Chshiev

The article considers dagger blades from the burials dating back to 9th - early 7th centuries B.C. located at Elhotovo burial ground of the Koban culture.

Keywords : blade weapons, Koban culture of the Caucasus, ancient history of the Northern Caucasus.

About the Author:

Chshiev Valery (Khasan) T. senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania;hacht@mail.ru

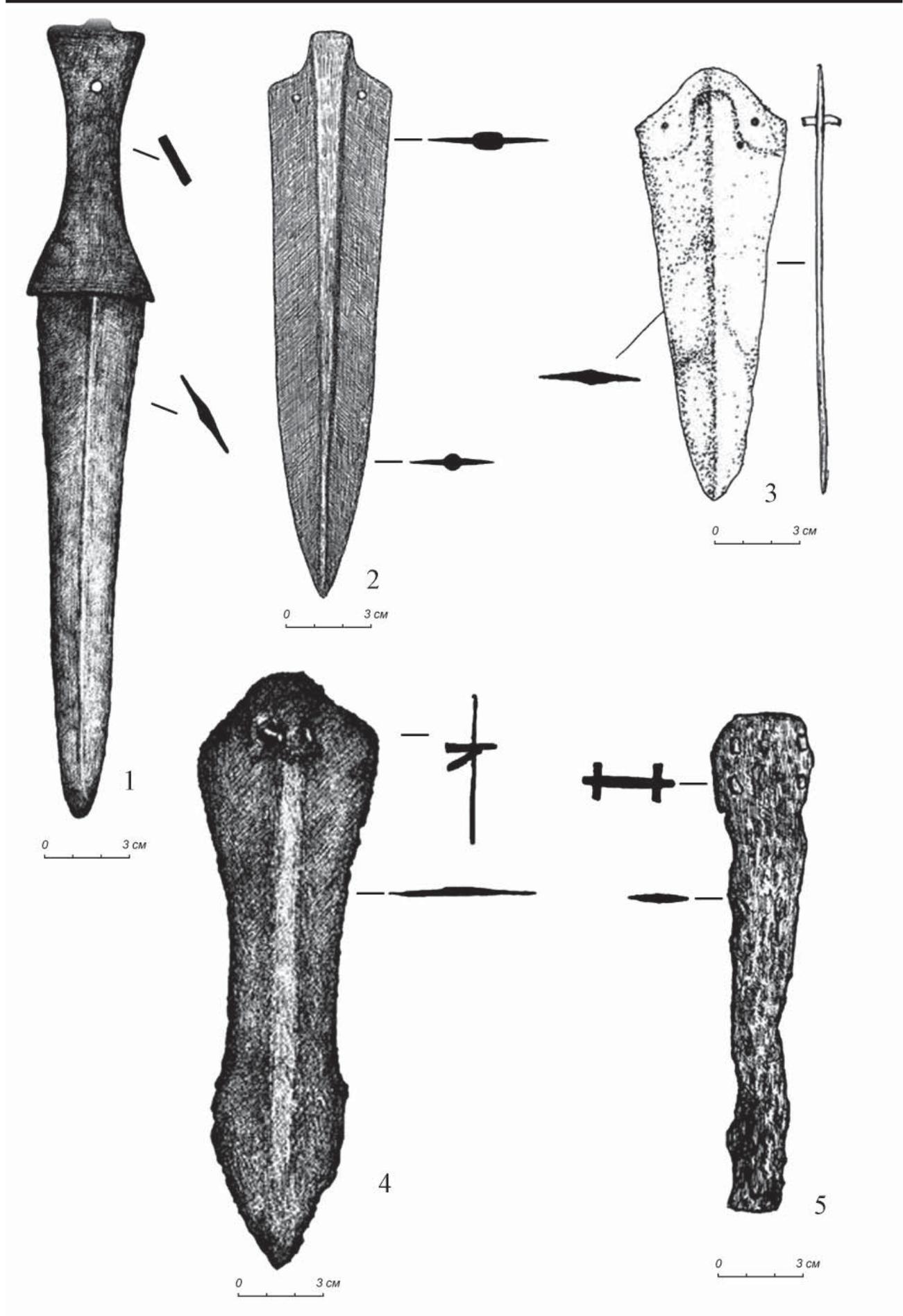

Рис.1. Клинковое оружие Эльхотовского могильника.